

ЛЕНА ДОБУЖИНСКАЯ

ДВА ГОДА

Рисунок Мстислава Добужинского

СТО

Елена Добужинская

Сто два года

«БОС»

2018

УДК 82-3/9
ББК 84(2Рос=Рус)

Добужинская Е. В.

Сто два года / Е. В. Добужинская — «БОС», 2018

ISBN 978-5-905117-38-1

Книга Елены Владимировны Добужинской «Сто два года» не мемуары и даже не воспоминания об отце, о семье, детях и друзьях. Это увлекательный, часто смешной, порой грустный и даже жесткий рассказ о жизни ее семьи в тяжелые годы советской власти и после развала СССР. Сама Елена Владимировна очень бы хотела адресовать книгу не только зрелым, но, особенно, молодым читателям, так мало, к сожалению, знающим о том, как жили их родители, их бабушки и дедушки в те не столь уж далекие, очень непростые времена. «Сто два года» – третья книга Лены Добужинской. Под этим «литературным» именем изданы: «У памяти хороший вкус» и «Мои дорогие мальчики». Книга «Мои дорогие мальчики» вышла в свет также и в России.

УДК 82-3/9
ББК 84(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-905117-38-1

© Добужинская Е. В., 2018
© БОС, 2018

Содержание

Предисловие	6
Глава первая	7
Глава вторая	13
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Елена Владимировна Добужинская

Сто два года

© Е.В. Добужинская, 2018

© Издательство «БОС» (дизайн, корректура, печать), 201

Предисловие

Жанр книги, которую Вы, может быть, начнете читать, я сама определила. Придумала. Это «документальная, смею надеяться, художественная проза».

Если такого жанра до меня еще не было, ну что ж, начнем с меня.

А если серьезно, то перед Вами мои воспоминания о неординарном, ярком человеке, моем отце, Добужинском Владимире Ивановиче, кстати, племяннике великого художника Мстислава Добужинского.

Я хотела рассказать о его и, конечно, моем восприятии того времени, той, не побоюсь сказать, эпохе, стране, где прошла его и в большой степени моя жизнь.

Нужна была определенная смелость, чтобы решиться написать эту книгу и тем более рассчитывать на то, что кому-то, кроме меня и тех, кто знал моего отца, будет интересно читать.

Но, вот книга перед Вами. Вы ее открыли и почему-то не закрываете. Будете читать? Посмотрим. Это – поступок.

Я благодарю каждого моего читателя, очень взрослого и очень молодого, если такие найдутся.

От первой строчки до последней здесь всё – правда, увиденная моими глазами, прожитая моим сердцем.

Всем спасибо.

ваша Лена Добужинская

Глава первая

- Пап, я пришла. Как ты? Все хорошо?
- Терпимо. Сядь около меня. Я такое тебе расскажу!
- Господи, что случилось?
- Ничего плохого, но случилось.

Я в больнице 4-го Главного управления, самой лучшей и привилегированной по тем временам. На дворе 1997 год. 9 октября.

Светлая просторная палата на двоих, очень чисто, на столике цветы, приветливый персонал, внимательные врачи. Все, как надо, как при советской власти, которая заботилась о своих подданных высокого ранга. Но только о них. Ни в какой обычной городской клинике ничего такого не было и в помине.

Владимир Иванович, мой отец, как раз пациент того самого ранга. Ему 84 года, очень красив, белый, как лунь, тонкие черты лица, умные, немного колючие зеленые глаза. Он всегда был красавцем и с возрастом становился еще красивее. Старость его лица почти не коснулась, только облагородила. Язык не поворачивается назвать его стариком.

Завтра его не станет.

* * *

- Ну, рассказывай скорей.

Он прекрасно говорит, захватывающе интересно, эмоционально и очень грамотно. Он – ритор.

- Ты не поверишь, но сегодня ночью ко мне пришли три молодых грузина из КГБ.
- ???
- Да, да именно грузины и именно из КГБ.
- Что хотели?
- Они предложили мне пост министра обороны.
- Почему обороны? Какое отношение ты имеешь к военным?
- А х... их знает.
- А ты что?
- Ты же знаешь, я умный и хитрый. Я ничего им не ответил, промолчал.

Поднял вверх палец и многозначительно ухмыльнулся.

Я очень расстроилась, поняла: начались галлюцинации, это впервые, до сих пор папа поражал нас ясным умом молодого человека, юмором и памятью. И уж совсем мне стало не по себе, когда он вдруг сказал:

– Наклонись поближе. Ты знаешь, в этой жизни я больше всех любил тебя. Конечно, и маму, и

Это он – Владимир Иванович Добужинский.

Иру (мою сестру) тоже, но ты всегда была мне ближе всех. Я считаю, что ты во многом меня повторила, мне хочется верить в это. Дети должны быть лучше своих родителей, иначе не было бы прогресса. В нашей семье прогресс, несомненно, присутствует.

Обнял меня одной рукой, прижал к себе и заплакал.

– Всё. Теперь иди. До завтра.

И отвернулся к стене.

Утром позвонил врач и сказал, что Владимира Ивановича больше нет. Он умер на рассвете. Во сне.

* * *

18 августа 2015 года. Сегодня моему отцу исполнилось бы сто два года.

Почему именно сегодня я думаю о нем, вижу его, разговариваю с ним, тоскую по нему? Почему, например, этого не было два года назад, в день его столетия?

Я задаю себе эти вопросы, не могу связно на них ответить, но где-то в подкорке таится объяснение. Дело во мне. Это именно мне необходимо поговорить с моим ироничным умным отцом. Именно мне надо рассказать ему, как я прожила столько лет без него, что натворила, чем могу похвастаться, в чем виновата и перед кем.

*Это – я.
И мне 17 лет.*

Я редко откровенничала с родителями при их жизни. Как и все дети, я считала их воззрения анахронизмами, спорила, не соглашалась, сердилась. И все это было лишним, неправильным.

Только теперь, когда пришла пора просматривать и анализировать собственную жизнь, мне просто необходимо с ними разговаривать. Особенно с отцом.

Кстати, мой великовозрастный сын ведет себя со мной точно так же, как я со своими мамой и папой. Если бы мы умели встать на плечи своих предков, увидеть их жизнь и взять от них то, что они знали! Если бы! Но... Читайте Тургенева.

* * *

– Добужинская! На выход!

– С вещами?

Такой диалог между замом декана моего факультета, замечательным греком Георгием Перикловичем и каким-нибудь остроумцем с «галерки» происходит, если в деканат утром звонит мой отец и просит своего близкого друга, этого самого грека, отпустить меня с занятий. Значит, он приехал из своего Кирова Калужского, где работает директором завода, остановился в гостинице «Москва», и мы пойдем с ним завтракать в кафе «Националь» на Манеже.

Георгий Периклович, конечно, недоволен, но отказать Володе не может. Отцу никто и ни в чем не может отказать. Такой человек.

Со строгим выражением лица, не глядя на меня, замдекана говорит: «Добужинская, на выход!» – я собираю вещи, и все знают, куда я иду и с кем. Мой радостный уход с лекции сопровождается одобрительным гулом, остротами и пожеланиями приятного аппетита.

Как правило, это происходит утром, занятия только начались, и я, конечно же, сегодня в институт не вернусь. Мне предстоит такой праздник! Никто бы не вернулся.

* * *

Мы с папой сидим за столиком в знаменитом «Национале». Одни, только он и я. Отец даже не смотрит в меню. Он и так знает, что мы будем заказывать, он здесь частый гость. Мимо нас то и дело проходит официантка, но не обслуживает. Правда, поздоровалась: «Здравствуйте, Владимир Иванович», – только с ним, меня как будто нет.

Мы сидим в пустом кафе уже полчаса. Папа злится. И вдруг:

– Танечка, это же моя дочь! Кормите нас завтраком, мы голодные.

Танечка стремглав подлетает к нам.

– Владимир Иванович, почему сразу не сказали? Уже бы позавтракали.

Оказывается, именно в это кафе отец никогда не приводил никаких женщин. Только маму. Их все знали и ждали всегда. Они оба прекрасно танцевали. Фокстрот, румба и особенно вальс-бостон в их исполнении завораживали всех завсегдатаев «Националя», и в конце концов они оставались единственной танцующей парой и уходили к своему столику под аплодисменты.

А тут с ним какая-то молоденькая девчонка.

Не будем кормить!

Завтрак был потрясающий.

Мы разговариваем, смеемся, понимаем друг друга с полуслова. Нам очень хорошо вместе, мы близкие, родные люди. У нас есть общие тайны, которые мы свято храним. Так пообщаться получается редко, даже не в каждый его приезд.

Весна. Светит солнце, как будто после долгого заточения вырвалось на свободу, и мы идем по Моховой к гостинице «Москва». Там еще немного побудем, выпьем кофе, а потом разбежимся. Он по делам, я – пока не знаю, куда. Только не в институт. Хотя... Могу успеть на лекцию Давида Борисовича Гинзбурга. Это стоит послушать. Ну, посмотрим.

Что твориться с идущими навстречу женщинами! Они столбенеют, можно сказать, падают штабелями, увидев отца. Одна даже вернулась, забежала перед нами, чтобы еще разочек на него взглянуть. Ничего не боятся! Бессовестные!

– Видишь, как они на тебя смотрят?

– Эти женщины? Почему на меня?

– Ты – красotka.

Мы хохочем, понимаем: мы оба ничего себе. Но в обморок они падают от него. Нельзя мужчине быть таким призывно-красивым, просто неприлично. И женщин жалко. Это мне жалко. А ему?!

* * *

Расстаемся. Не знаем, как надолго, но я буду жить в предвкушении радости от очередной встречи с ним.

Пожалуй, поеду все-таки в институт. К Гинзбургу.

Еле успела к началу лекции. И хорошо. Потому что начало – самое интересное.

Профессор Гинзбург Давид Борисович, пожилой, представительный, можно сказать, красивый мужчина, из тех, «бывших», интеллигентов, читал нам «Печи и сушила силикатной промышленности» – предмет, который невозможно было выучить, будь ты хоть сто пядей во лбу, потому что нельзя запомнить. Он это знал и поэтому разрешал на экзамене пользоваться его учебником с таким же названием. Толку от этого для студентов не было никакого, так как, чтобы найти в книге нужное место, весь учебник приходилось по многу раз читать, карандашом делать пометки, загибать страницы и т. д. Вот, хитрован, что придумал! Много лет спустя я, уже опытный преподаватель вуза, применяла метод Гинзбурга, и всегда с неизменным успехом.

Пробираюсь на свободное место, почти устроилась – и тут:

– Еночка, все в порядке? Не спешите. Устраивайтесь поудобней. Мы без Вас скуцаи.

Это мне. Начинается праздник. Дело в том, что обожаемый нами Д.Б. не выговаривает почти все согласные буквы алфавита.

– Нацинаем. Векий юсский уцень Гвум-Гзимаиво...

Все смеются, пока еще не громко, пытаюсь, елико возможно, сохранять приличия.

– Стянно. Каздый яз, когда я пвоизносу имя веикого Гвума, все смеются.

И хохочет сам. Вся аудитория, человек примерно сто, лежит на столах, под столами и корчится от смеха и слез.

– Ну, хоёсо. Пьёдовзим?

Правильно я поступила. Не прогуляла. Примчалась после восхитительного завтрака с папой (тоже студентом Гинзбурга) и не прогадала. Лекция, как всегда, была блестящей, интересной, как выдвинутый на высокую награду научный доклад. А некоторые издержки дикции лектора ее только украшали.

В отличие от профессора Гинзбурга, я недостатками речи не страдала и поэтому всегда во время экзамена по его непознаваемому предмету стояла с учебником у приоткрытой двери маленького кабинета и хорошо поставленным громким шепотом читала его же текст.

Всем известно: профессор глуховат. Давид Борисович поворачивается к двери.

– Еночка, пьёстите, но я гвух на двугое ухо. А сто Вас папа ко мне давно не заходит? Пеедайте ему от меня пививет.

Умница был большой, известный, уважаемый ученый, гениальный преподаватель. А человек какой! Много я взяла у него, когда сама стала преподавать. Спасибо, Давид Борисович!

Глава вторая

Я медленно еду на автомобиле из больницы по Кутузовскому проспекту. И вспоминаю. Хочу вспомнить об отце всё, что смогу, с тех самых пор, когда поняла: этот удивительный человек – мой папа. Я еще не знаю, что больше никогда не увижу его живым, не осознаю, почему мне так нужно вспомнить всё, что связано с ним в моей жизни. Это я пойму завтра, когда его уже не будет. А сейчас я неспешно еду по пустым улицам вечерней Москвы и вспоминаю. Хорошее и плохое. Всякое. В моей жизни он так много значил! Не всегда это будут светлые воспоминания, часто грустные и даже нелицеприятные. Но должна вспомнить всё. Должна. Вспомнить и написать. Так я решила.

* * *

Мне было три года, когда меня высоко под потолок подбросил усатый, колючий военный с орденами и медалями на гимнастике, обнимал, тормошил и называл «моя маленькая дочурка». Он приехал с войны к нам в город Халтурин под Кировом, куда вся семья была эвакуирована. В отпуск, на два дня. В следующий раз мы увиделись в 1945-м, после войны.

*Вот такие они были тогда, мои родители.
Молодые, красивые, сильные.*

Какую же тяжелую они прожили жизнь!

Война, сталинский кошмар, все 70 лет советской власти. Может быть, хорошо, что они не понимали, где живут, или понимали далеко не всё. Иначе жить было бы невозможно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.